

Ужин У Хуая ещё не закончился, а вся команда уже обсуждала эту новость. Плюс завтра выходной, так что все были в невероятно приподнятом настроении, словно награду получили они сами, и все наперебой говорили о том, какой Чжань Янь молодец.

У Хуай опустил голову и посмотрел на сообщение, которое лично прислал Чжань Янь. Уголки его губ приподнялись, и в сердце тихо зародилась тайная гордость.

На следующий день — сборы, подготовка к отъезду домой на праздники!

Путь из Гуандуна в Сычуань на поезде занимает три дня. Отпуск не такой уж долгий, и никто не стал бы тратить время на дорогу. У Хуай на свою тренировочную надбавку купил билеты на самолёт туда и обратно. Вылетел утром, а уже днём был дома.

Его встретили в аэропорту лично отец и мать. Хотя по телефону он говорил, что не надо, но в итоге У Хуай решил уважить желание родителей.

Отец взял багаж, мать с гордостью взяла сына под руку. Когда они втроём вышли из здания аэропорта, мать вдруг с удивлением сказала:

— Сынок, кажется, ты снова подрос.

У Хуай опустил взгляд и только тогда заметил, что мать теперь достаёт ему лишь до мочек ушей.

Профессиональные пловцы, которые могут зарабатывать этим, безусловно, обладают врождёнными преимуществами. Рост родителей обычно тоже соответствует стандартам спортсмена. Рост матери У Хуая — 1.72 м, отца — 1.83 м, в толпе они заметно выделялись. Он унаследовал данные родителей, с детства занимался спортом, в период роста получал полноценное питание, так что дорости до 1.85 м было ему гарантировано. А вот достигнет ли он 1.90 м — зависело уже от везения.

— Действительно, уже высокий, — мать помахала рукой, измерив разницу, потом посмотрела на отца и сына и сказала:

— Под метр девяносто, почти догнал отца.

У Хуай и отец были довольны.

То, что У Хуай уехал заниматься плаванием аж в Гуандун, стало местной новостью. У матери родился такой способный и красивый сын, и в обычные дни она не могла удержаться от того, чтобы похвастаться. Когда они вышли из машины и пошли домой, со всеми встречными приходилось перебраться парой фраз, и тема разговора всегда крутилась вокруг У Хуая.

В такие моменты У Хуай терпеливо стоял рядом, сияя улыбкой и принимая восхищённые взгляды дядюшек, тётюшек, дедушек и бабушек. Каждый хвалил его как примерного мальчика.

Наконец они вернулись в родной дом. У Хуай облегчённо вздохнул, чувствуя, что эта дорога утомила его больше, чем заплыв на десять тысяч метров.

Он лёг на кровать, багаж стоял у его ног. Родители переодевались, мать снаружи спрашивала, что бы он хотел поесть. У Хуай смотрел на потрескавшийся потолок над головой, и в душе у него поднялись разные мысли.

Он с ранних лет жил при спортивной школе, в общежитии, и времени, проведённого в спальне, было куда больше, чем времени дома. Но дом есть дом: стоит вернуться, и словно оказываешься в тихой гавани для души, естественным образом расслабляешься, становишься вялым, ленивым, не хочешь шевелить даже пальцем.

На ужин У Хуай заказал блюда: жаркое по-сычуаньски, отварную свинину ломтиками в остром соусе и «Мао сюэ ван». Острый, обжигающе-пряный вкус, красный масляный бульон, который выливали в рис и перемешивали. У Хуай, обливаясь слезами, запихивал еду в рот. Обжигающее ощущение в желудке было невероятно приятным.

Пришёл ответ от Чжань Яня — смайлик с широко раскрытыми глазами, словно сильно напуганный. Тогда У Хуай сфотографировал опустевший обеденный стол и отправил ему, прикрепив смайлик с хитрой ухмылкой.

Чжань Янь написал: [Все говорят про острых девушек, а ты, выходит, острый парень?]

У Хуай ответил: [Когда вернусь, привезу тебе в подарок пару цзиней сушёного перца.]

Чжань Янь: [Смайлик в поту.]

У Хуай: [Смайлик с громким смехом.]

Однако, когда ту же подборку фотографий он отправил Се Юэняню, тот в ответ прислал смайлика, у которого капала слюна. А Ван Хайтао ответил просто улыбкой.

У Хуай передал своему старшему товарищу по команде, что всё в порядке, а потом начал болтать с Се Юэнянем, изредка переписываясь с Чжань Янем. Так и прошёл вечер.

Со следующего дня начались визиты к родственникам.

Мать таскала У Хуая по всем домам. Он ещё выкроил время, чтобы зайти к тренеру Хуну. И вот, в мгновение ока наступил канун Нового года.

Каждый год на праздники они ездили к бабушке. В пригороде маленького города никому не было дела до запретов на петарды, но в последние годы люди, кажется, и сами потеряли к ним интерес. Собиралась вся семья, вместе ужинали, общались — вот и весь праздник.

Ребёнку младшего дяди в этом году исполнилось пять лет. Девочка почему-то прилипла к У Хуаю, за обедом обязательно садилась рядом с братом, и У Хуай терпеливо с ней возился. Жена дяди сказала:

— Слушай, а я заметила, что Сиси очень похожа на Цици.

Все взглянули — и правда! Сиси обрадовалась ещё больше, сидела на руках у У Хуая, качая головой, словно быть похожей на брата — это невероятное достижение.

Семья Лао У — три поколения середняков, никогда не было в роду по-настоящему выдающихся талантов. То, что У Хуай уехал заниматься плаванием в провинциальную команду, определённо делало его самым успешным ребёнком в семье. Обычные разговоры родителей влияли на детей, и Сиси смотрела на старшего брата с обожанием, как на героя.

Особенно когда У Хуай поднял Сиси одной рукой. Маленькая девочка была вне себя от счастья, даже от своих мамы с папой отказалась, заявила, что вечером пойдёт к брату домой и будет

спать с ним.

После праздничного ужина, уже поздно вечером, скучающий У Хуай наделал с Сиси кучу селфи, выбрал самое удачное, где он получился очень красивым, и отправил Чжань Яню.

Чжань Янь, должно быть, тоже скучал, потому что ответил мгновенно: [Твоя дочь?]

[Наша с тобой.]

[Значит, ты родил?]

[Конечно, ты родил.]

[Дочь похожа на отца, она похожа на тебя.]

У Хуай скрипел зубами, собираясь ответить, но Сиси надулась, ревнуя к телефону, с видом «брат играет с телефоном и не обращает на меня внимания». У Хуаю ничего не оставалось, как быстренько попрощаться и продолжить исполнять обязанности няньки.

Занятия в школе возобновлялись восьмого числа первого лунного месяца, а сбор команды пловцов был назначен на шестое. Казалось, ещё не наигрался, а отпуск уже закончился.

Утром — Сычуань, днём — Гуандун. Несколько тысяч километров — и всего лишь один сон в самолёте, и У Хуай снова вернулся в место, наполненное потом и слезами.

Лёжа на своей одинокой кровати, его беспокойное сердце, казалось, в этот момент успокоилось, стало надёжным и устойчивым, и в нём возникло тайное чувство гордости. Это место, даже такое простое, — результат его борьбы до сих пор. От любителя в муниципальной спортивной школе до профессионального спортсмена провинциальной команды — этот шаг дался очень нелегко.

Хотя и говорили, что сбор шестого, на самом деле это было время на раскачку для иногородних членов команды. Наш простодушный У Хуай вернулся точно в срок, однако только к ужину обнаружил, что в спальне он один.

Он написал Се Юэняню: [Ты не вернёшься?]

Се Юэнянь ответил моментально: [Ты уже вернулся?]

[Ты сегодня приедешь?]

[Я договорился с тренером, приеду послезавтра, сразу в школу на регистрацию.]

[... Пока!]

Итак, одинокий, пустой и замёрзший У Хуай остался в холодной спальне один. В конце концов, от скуки он снова открыл тот фильм, что был спрятан в самой глубине папки, залез на верхнюю койку и смотрел его раз за разом. Наконец, не удовлетворившись, он, как будто бес попутал, снова открыл видео, присланное Чжань Янем...

Картинки из двух видео в его голове словно слились воедино в этот момент, в конечном итоге превратившись в одного человека, который в его воображении принимал всевозможные позы, которые ему нравились, которые он предпочитал, — это было так сладостно.

Ощущения пришли очень быстро. Когда всё окончательно улеглось, У Хуай широко раскрытыми глазами уставился в потолок. Даже с его толстой кожей, на которой можно танцевать, он наконец осознал, что что-то не так.

Что происходит?

Как он мог представлять Чжань Яня в таком свете?

Эти позы, эти выражения, и этот взгляд, полный ожидания и чувств, тёмные, пронзительные глаза... Это было ненормально!

В тот вечер У Хуай ворочался в постели, но так и не смог понять, в чём дело. В конце концов, он долго листал веб-страницы и заснул неизвестно когда.

Той ночью фантазии, с тех пор, словно тончайшая игла, вонзились в сердце У Хуая. Когда он о них не думал, то не чувствовал, но стоило чему-то или кому-то задеть эту тему, это мягкое, щекочущее чувство становилось очень неприятным.

Энтузиазм У Хуая по отношению к Чжань Яню по непонятной причине угас. Он больше не хотел отправлять ему сообщение, едва открыв глаза, не доставал просто так видео с Чжань Янем, мог не писать ему целую неделю. Он просто хорошо прятал телефон, но включал звук на одну громкость, а потом просыпался среди ночи, доставал телефон, смотрел на него и с разочарованием убирал обратно.

Он перестал писать Чжань Яню, и Чжань Янь с тех пор тоже не писал ему первым.

Авторские заметки: жаль, что не получил место. Парнишка ещё слишком мал.

<http://bllate.org/book/15581/1387602>